

«Переводы Библии: история и современность»

Доклад председателя Отдела внешних церковных связей, председателя Синодальной Библейско-богословской комиссии, ректора Общецерковной аспирантуры и докторантуры митрополита Волоколамского Илариона на Международной богословской конференции Русской Православной Церкви «Современная библеистика и Предание Церкви».

«Переводы Библии: история и современность»

Ваше Святейшество!

Всечестные Владыки, отцы, братья и сестры!

Тема моего доклада, как и тема нашей конференции, огромна. Она охватывает всю двухтысячелетнюю историю христианской Церкви, потому что история Церкви неотделима от истории Библии — Священного Писания Ветхого и Нового Заветов.

Благая Весть и ее распространение

К самому началу христианской Церкви относится перевод Благой Вести на греческий язык. Именно в греческом переводе, а не на родном языке Иисуса Христа, дошли до нас Его слова, притчи и проповеди. Родным языком Иисуса был арамейский. Относительно недавно было выдвинуто предположение, что некоторые проповеди Иисус произносил не по-арамейски, а по-древнееврейски. Но как бы ни была эта дискуссия значима для библеистики, для нас сейчас важнее другое: со всей определенностью мы можем сказать, что Господь наш Иисус Христос не произносил ни проповедей, ни притч на том языке, на котором они дошли до нас, — греческом.

Меж тем уже в книге Деяний Апостолов мы читаем о том, как проповедь о Христе вышла за границы Палестины — в грекоязычную ойкумену. Да и в самой Палестине к проповеди о Христе прислушивались далеко не только местные, палестинские иудеи, говорившие на семитских наречиях. В иерусалимскую первохристианскую общину вошли приехавшие в Палестину иудеи диаспоры, которые говорили по-гречески и которых Деяния Апостолов называют эллинистами. Для этих иерусалимских эллинистов, а также для иудеев диаспоры, и уж тем более — для обратившихся в христианство язычников — семитские языки (будто то арамейский или еврейский) были чужими. Христианская весть для этих людей должна была прозвучать именно на греческом, и уже апостол Павел, хотя он, несомненно, знал и арамейский и древнееврейский, пишет свои послания по-гречески. Именно на греческом языке распространяются по всему Средиземноморью Евангелия — повествования о проповеди и чудесах, о жизни, смерти и воскресении Иисуса. И даже послание к Евреям, вошедшее в корпус Нового Завета, тоже было написано на греческом.

Предполагают, что у Евангелий мог быть семитский оригинал. Важнейшим аргументом в пользу этого считается свидетельство Папия Иерапольского, расцвет деятельности которого приходится на первую половину II века. Папий пишет про Евангелие от Матфея следующее: «Матфей записал беседы Господа на еврейском языке; а переводил их кто как мог». Современными учеными неоднократно предпринимались, правда, не очень успешно, попытки реконструировать это еврейское «протоевангелие». Однако семитские оригиналы евангелий, если они и были, до нас не дошли. Ранняя Церковь не ставила своей задачей сохранить проповеди Господа и рассказы о Нем на сакральном языке Ветхого Завета или на том языке, на котором эти слова впервые прозвучали. Для ранней Церкви было важно, чтобы Благая Весть распространялась на языке, понятном для верующих.

Евангелие от Матфея завершается словами: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф 28:19-20). Евангельская проповедь, таким образом, должна прозвучать на всех языках мира. Об этом нам символически говорит и повествование Деяний Апостолов: когда апостолы были вместе в день Пятидесятницы, они «исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деян 2:4). Находящиеся в Иерусалиме «Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, Критяне и Аравитяне» слышали апостольскую проповедь каждый на своем языке (Деян 2:8-11). Важно помнить, что для еврейской традиции праздник Пятидесятницы (Шавуот) — это день, когда Израиль у горы Синай получил от Бога Десять Заповедей. Поэтому христианская Пятидесятница предстает как непосредственное продолжение Синайского откровения. Рассказ о первой христианской Пятидесятнице занимает очень важное

место в книге Деяний — он является богословским обоснованием миссии среди язычников. А для нас он является также богословским обоснованием необходимости библейского перевода.

Очень скоро христианская проповедь вышла далеко за пределы грекоязычной ойкумены. На востоке евангельская весть была уже во 2-м веке переведена на сирийский, а позднее, в 5-м веке — на армянский и грузинский языки. Вместе с сирийскими купцами и миссионерами евангелие уже в раннем средневековье достигло Индии и Китая. Юг средневекового христианского мира — это коптский Египет и Эфиопия; к 3-5 векам восходят переводы Библии на эти языки.

На западе христианская проповедь зазвучала на латинском языке. Первые переводы Библии на латинский язык принято называть *Itala* или *Vetus Latina*; ветхозаветная часть этих переводов делались с греческой Библии. В конце 4-го — начале 5-го веков новый перевод Библии на латинский язык, именуемый *Vulgata*, был осуществлен блаженным Иеронимом, причем Ветхий Завет был переведен им непосредственно с древнееврейского. Однако к моменту создания Вульгаты классическая латынь была уже мертвым языком. Переводы на народные языки западной Европы средневековая западная церковь не поощряла.

Перевод Библии на славянские языки начался после изобретения святым Кириллом первой славянской азбуки (по-видимому, глаголицы) в 860-е годы. Дело равноапостольного Кирилла продолжил его брат святой Мефодий и их ученики. К моменту Крещения Руси в 988 году на славянском языке уже существовали и библейские тексты, и богослужебные книги, и другая христианская литература. Трудно переоценить значение для древней Руси переводческого подвига святых Кирилла и Мефодия. В отличие от западной Европы, где язык письменной культуры, латынь, был в Средние века непонятен простому человеку, на Руси уже с эпохи Средневековья Библия существовала на национальном языке.

Надо сказать, что в истории Церкви неоднократно предпринимались попытки объявить какие-то языки «сакральными», а все остальные «профанными». Святым Кириллу и Мефодию приходилось бороться с так называемой «трехъязычной ересью», апологеты которой считали, что в христианском богослужении и литературе допустимы только три языка: еврейский, греческий и латинский. «Трехъязычная ересь» была преодолена, хотя ее рецидивы, т.е. попытки провозгласить какой-то язык «сакральным» не раз встречаются и в последующей истории Церкви.

До недавних пор было принято считать, что древнейшим сохранившимся памятником русского языка является Остромирово евангелие, написанное в 1056-1057 гг. для Софийского собора в Новгороде. Однако 13 июля 2000 г. на Троицком раскопе в Новгороде археологи нашли еще более древний русский текст: три деревянные дощечки, покрытые воском и полностью исписанные псалмами. Эти дощечки представляли собой как бы деревянную тетрадку из трех покрытых воском

страниц. Эта «Новгородская псалтирь» датируется концом X — началом XI века, т.е. она позже крещения Руси всего на одно-два десятилетия.

Оба древнейших памятника русского языка — библейские тексты. Это ясно говорит нам, что русский язык, русская письменность, русская культура неотделимы от русской Библии.

Как и любой живой человеческий язык, славянский язык менялся. К XVIII веку (тем более — к началу XIX) разрыв между церковнославянским языком и языком повседневного общения увеличился настолько, что возникла нужда в новых переводах. Ответом на эту потребность стал, после долгих дискуссий, проб и ошибок, Синодальный перевод Библии, вышедший в свет и одобренный Святейшим Синодом в 1876 году.

Еще до появления книгопечатания Библия была переведена более чем на тридцать языков. К концу XVI века Библия существует практически на всех языках Европы. Миссионерская деятельность среди народов Азии, Африки и Америки приводит к появлению все новых и новых переводов, даже на языки племен малочисленных и отдаленных. На настоящий день Библия, полностью или частично, переведена более чем на 2000 языков мира.

Текст Библии в церковной традиции

Служение Нового Завета, как пишет апостол Павел, это служение «не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» (2 Кор 3:6). С самого начала христианской истории внимание Церкви было обращено на Весть, на проповедь, на миссию, а не на фиксированный текст на конкретном «священном» языке. Это радикально отличается, например, от отношения к священному тексту в раввинистическом иудаизме или в исламе. Для раввинистического иудаизма Библия как священный текст не переводима: перевод или переложение могут лишь приблизить к пониманию единственно верного текста, каковым является для иудея еврейский масоретский текст. Точно так же и для ислама Коран не переводим, а мусульманин, желающий знать Коран, должен выучить арабский. Христианской традиции такое отношение к священному тексту совершенно чуждо.

Очень важно для нас, что Православная Церковь никогда не канонизировала какой-то один текст или перевод, какую-то одну рукопись или одно издание Священного Писания. Единого общепринятого текста Библии в православной традиции нет. Существуют расхождения между

цитатами из Писания у Отцов; между Библией, принятой в греческой Церкви, и церковнославянской Библией; между церковнославянскими текстами Библии и рекомендованным для домашнего чтения русским Синодальным переводом. Эти расхождения не должны нас смущать, ведь за разными текстами на разных языках, в разных переводах стоит единая Благая Весть.

Особо важную роль для православной традиции, играет древний, выполненный еще до Рождества Христова греческий перевод Ветхого Завета — Септуагинта. Это связано со следующими факторами. Во-первых, Септуагинта может быть использована для воссоздания первоначального ветхозаветного текста в тех местах, где в стандартный еврейский (так называемый «масоретский») текст вкравлись ошибки. Во-вторых, многие цитаты из Ветхого Завета в Новом Завете отражают текст Септуагинты. В-третьих, именно текст греческой Библии использовался и в творениях греческих Отцов Церкви, и в литургических текстах Православной Церкви.

Неверно, однако, было бы утверждать, что именно Септуагинта и только Септуагинта является Библией Православия. Рассмотрим подробнее положение дел с ветхозаветными цитатами в Новом Завете. Эти цитаты крайне неоднородны. Иногда, например, мессианское чтение Ветхого Завета, цитируемое в Новом Завете, соответствует Септуагинте, иногда — масоретскому тексту. Наиболее известное расхождение между масоретской Библией и Септуагинтой — Ис. 7:14. Именно текст Септуагинты («Дева во чреве приимет»), а не масоретский текст («Юная во чреве приимет») цитируется в Мф. 1:23, где речь идет о девственном зачатии Иисуса Христа. В ходе полемики христиан с иудеями христианскими полемистами неоднократно высказывалось мнение, что еврейский текст данного стиха был преднамеренно искажен еврейскими книжниками после рождества Христова. Однако кумранские находки показали, что еврейские рукописи II-I вв. до Р.Х. совпадают здесь с масоретским текстом, т.е. расхождение между еврейским и греческим текстами появилось задолго до появления христианства и не может быть результатом сознательной антихристианской полемики.

Ис. 7:14 — это пример того, как евангельский текст следует Септуагинте. Но в других случаях, напротив, именно масоретский текст, а не текст Септуагинты содержит цитируемое в Новом Завете мессианское чтение. Так, ветхозаветная цитата в евангелии от Матфея 12:18 в точности соответствует еврейскому масоретскому тексту Исайи 42:1 («се, Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя»). Текст Септуагинты здесь совсем другой, не мессианский («Иаков, Отрок Мой, Я прииму его. Израиль, Избранный мой, прияла его душа Моя»).

Подробный анализ ветхозаветных цитат в Новом Завете ясно показывает, что авторы Нового Завета пользовались то протомасоретским текстом, то Септуагинтой, то древними ревизиями Септуагинты. Иными словами, апостольская Церковь не настаивала на канонизации какого-то

одного типа библейского текста. Не делает так и Православная Церковь, для которой различные формы библейского текста, различные библейские переводы — составные части единого потока Предания.

Наша церковнославянская Библия имеет в своей основе греческий текст Библии (Септуагинту), но на эту основу накладываются многочисленные влияния со стороны латинской Библии — Вульгаты. Достаточно сказать, что целая книга церковнославянской Библии — 3-я книга Ездры — в греческой Библии вообще отсутствует и неизвестна никому из греческих святых Отцов посленикейского времени (доникейские греческие тексты иногда цитируют ее, напр. Климент Александрийский). В нашу церковнославянскую Библию 3-я книга Ездры попала не из Септуагинты, а из Вульгаты.

Нередки случаи, когда редакторы и справщики церковнославянской Библии, сверяя текст Септуагинты с еврейским оригиналом и с Вульгатой, исправляли ошибки Септуагинты. Приведу лишь один пример. Все мы слышали о том, как древние иудеи, отступившие от веры в Единого Бога, приносили своих детей в жертву богу Молоху (см. Левит 18:21, 20:1-5). Однако переводчики Септуагинты в книге Левит неверно прочли еврейский текст — не Молох, а «мелех» (царь) — и соответственно ошибочно перевели эти места. Ни в греческих рукописях Септуагинты, ни в печатной Библии греческой Церкви Молох в книге Левит не упоминается. В церковнославянской Библии эта ошибка исправлена редакторами, которые сверяли греческую Библию с латинской.

Святитель Филарет Московский прекрасно понимал, что нельзя абсолютизировать какую-то одну текстуальную традицию. В первой половине-середине XIX века святитель руководил работой переводчиков Ветхого Завета на русский язык. Выполненный под его руководством Синодальный перевод был сделан (впервые в православном мире) непосредственно с еврейского масоретского текста, с учетом, в отдельных случаях, чтений Септуагинты. Этот перевод сегодня за пределами богослужения приобрел статус общецерковного или даже официального перевода Русской Православной Церкви.

Таким образом, в Православной Церкви сосуществуют переводы, ориентирующиеся на разные текстуальные традиции. Это отражает, с одной стороны, верность древним библейским истокам христианства, с другой — верность святоотеческому преданию и традиции ранней Церкви.

В этом отношении православная традиция отличается от католической, где в течение длительного времени (с Тридентского собора и вплоть до Второго Ватиканского собора) единственно авторитетным текстом Библии считался перевод Библии на латинский язык (так называемая «Вульгата») в издании 1592 года (так называемая «Вульгата Клементина»). Вопрос о канонизации церковнославянской Библии как текста «самодостоверного, подобно латинской Вульгате» был

поднят в XIX веке обер-прокурором Святейшего Синода графом Н.А. Протасовым (1836-1855 гг.). Однако, как пишет святитель Филарет Московский, «Святейший Синод по трудам исправления славянской Библии не провозгласил текста славянского исключительно самостоятельным и тем прозорливо преградил путь тем затруднениям и запутанностям, которые в сем случае были бы те же или еще большие, нежели какие в Римской церкви произошли от провозглашения самостоятельным текста Вульгаты» (См. *Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб, 1899. С. 130*).

Отказываясь от канонизации какого-то одного текста или перевода Писания, ведя активную миссионерскую деятельность, Православная Церковь следует примеру апостольской Церкви.

Библейские переводы: настоящее и будущее

Заключительная часть моего доклада будет посвящена настоящему и будущему библейских переводов в Русской Православной Церкви. Это важнейшая тема: различные ее аспекты неоднократно обсуждались на заседаниях Синодальной Библейско-богословской комиссии, Комиссии по вопросам богословия Межсоборного Присутствия, а также в специально созданных рабочих группах. Многие из этих дискуссий были сконцентрированы вокруг документа «Отношение Церкви к существующим разнообразным переводам библейских книг», который подготовлен Комиссией по вопросам богословия Межсоборного Присутствия и к настоящему моменту прошел широкое обсуждение в Церкви.

Таким образом, оценки и предложения, которые прозвучат сейчас, отражают не только мое личное мнение, но и результаты дискуссий, имевших место на упомянутых заседаниях.

Славянская Библия

Прежде всего, и обсуждение среди специалистов, и отзывы «с мест» показывают огромное уважение верующего русского народа к церковнославянской Библии. Церковнославянская Библия, восходящая к трудам свв. Кирилла, Мефодия и их учеников, — это драгоценное достояние нашего народа, и Русская Православная Церковь проявляла и проявляет заботу об этом достоянии. Очевидно, что сегодня работа со славянскими текстами в Русской Православной

Церкви должна осуществляться по следующим направлениям:

подготовка научного издания славянской Библии;

переиздание отдельных памятников славянской Библии (например, Геннадиевской Библии);

редакционное исправление наиболее сложных для восприятия богослужебных чтений совместными усилиями Богослужебной синодальной комиссии и квалифицированных библеистов;

подготовка русскоязычных лекционариев, с комментариями, раскрывающими содержание чтения, а также его связь с богослужением.

Синодальный перевод

Всех участников наших дискуссий объединяло также и глубокое уважение к Синодальному переводу, детищу святителя Филарета Московского. Благодаря Синодальному переводу в XIX веке Священное Писание стало более доступным для восприятия, а это помогло людям сохранить веру и заложило основы для возрождения религиозной жизни. Многие из нас еще помнят, как старые пожелтевшие книжки бережно хранились в семьях наших родителей, как из-за границы контрабандой привозили тоненькие издания на папиросной бумаге. Синодальный перевод — это наше драгоценное достояние, Библия новомучеников.

Вместе с тем многие участники наших обсуждений, а также авторы отзывов на проект документа «Отношение Церкви к существующим разнообразным переводам библейских книг» отмечали, что язык и стиль Синодального перевода далеки от языка и стиля русской литературы — как современной, так и классической. Это создает ненужную преграду между библейской Вестью и современным человеком.

Высказывались участниками дискуссий и чисто филологические претензии к Синодальному переводу. Часто одно и то же имя собственное в различных книгах (а иногда и в пределах одной книги) передается в Синодальном переводе по-разному, а иногда, напротив, различные еврейские имена и географические названия совпадают в русской транскрипции. Нередко имена собственные переводятся так, как если бы они были нарицательными или даже глаголами, а в ряде случаев имена нарицательные передаются транскрипцией в качестве имен собственных.

Отмечается неточность в передаче реалий, бытовых и социальных особенностей древнего мира, неизвестных или неверно понимаемых наукой XIX века.

Некоторые места могут ввести читателя в заблуждение. Например, в Синодальном переводе пророка Малахии 2:16 мы читаем «...если ты ненавидишь ее (т. е. жену юности своей), отпусти, говорит Господь Бог Израилев». Однако и еврейский, и греческий текст здесь говорят об обратном — о том, что Бог ненавидит развод. Исправление таких неточностей имеет не только академическое значение, оно важно для практических аспектов пастырской деятельности.

Когда обер-прокурор святейшего Синода К.П. Победоносцев попросил профессора Н.Н. Глубоковского составить список неточностей Синодального перевода Нового Завета, тот ответил ему пятью тетрадками исправлений. Критика Синодального перевода Глубоковским не утратила своего значения и по сей день. Важной задачей является подготовка издания этих замечаний Глубоковского к Синодальному переводу, а также их анализ с точки зрения современной науки. Такая работа ведется, в частности, докторантами кафедры библеистики Общецерковной аспирантуры и докторантуры.

Именно благодаря Синодальному переводу Библия зазвучала и звучит на русском. Дальнейшие шаги по поновлению русской Библии необходимы и неизбежны. Но они должны лежать в русле Синодального перевода и следовать его базовым принципам. Эти шаги не должны разрывать преемственность нашей библейской традиции.

Другие русские переводы Библии

Если говорить о русских переводах Библии, отличных от Синодального, мы должны отметить, что уже до революции наряду с Синодальным переводом существовало более двух десятков переводов библейских книг на русский язык. Стоит отметить, что многие из них принадлежали представителям священноначалия Православной Российской Церкви. Еще в 1860 г. вышла в свет книга Иова в русском переводе архиепископа Волынского и Житомирского Агафангела (Соловьева). В 1870-х годах в переводе еп. Порфирия (Успенского) появились книги Есфирь, Псалтирь и четыре книги Маккавейские. В начале XX века еп. Антонин (Грановский) опубликовал «Книгу Притчей Соломона. Русский перевод книги с параллельного критического издания еврейского и греческого текстов с приложением славянского текста». Самостоятельный перевод Нового Завета на русский язык осуществил поэт Василий Андреевич Жуковский. Выдающийся русский философ-славянофил Алексей Степанович Хомяков перевел и опубликовал переводы Посланий к Галатам и Ефессянам. Обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев

подготовил, в качестве альтернативы Синодальному, новый перевод всего Нового Завета («Опыт по усовершенствованию перевода на русский язык священных книг Нового Завета»). Этот, весьма неполный, список имен и переводов показывает, что представители Русской Церкви, русской культуры отнюдь не считали дело создания русской Библии уже законченным.

После революции работа над новым переводом Библии могла вестись, за редкими исключениями, лишь за пределами СССР. Важнейшим переводом этого периода стал перевод Нового Завета под редакцией еп. Кассиана (Безобразова), изданный Британским Библейским Обществом в 1970 г. и регулярно переиздающийся Российским Библейским Обществом. В его основу положено критическое издание Нового Завета Нестле-Аланда. Это, с одной стороны, отдаляет перевод от традиционного для Русской Православной Церкви византийского текста Библии, с другой стороны — отражает современное состояние библейской текстологии.

Начиная с позднесоветского времени стали появляться авторские переводы отдельных библейских книг, сделанные филологами — специалистами по древним языкам. Выдающийся филолог, академик Сергей Сергеевич Аверинцев заново перевел на русский язык Книгу Иова, Псалтирь и Евангелия. Известный востоковед Игорь Михайлович Дьяконов подготовил новые комментированные переводы Песни Песней, Экклезиаста и Плача Иеремии. После падения атеистического режима в этих трудах принимают участие и люди духовного звания, например член Синодальной библейско-богословской комиссии протоиерей Леонид Грилихес. Самым значительным по охвату библейских текстов проектом такого рода явился перевод книг Ветхого Завета, выполненный по заказу Российского Библейского Общества филологами из Института востоковедения РАН, Союза переводчиков России и Института восточных культур РГГУ под общим руководством Михаила Георгиевича Селезнева.

Опыт указанных авторских переводов, не претендующих на церковную значимость, может оказаться востребованным при подготовке новых переводов Писания Русской Православной Церковью. Авторские переводы Библии, сделанные на высоком профессиональном уровне, могут быть рекомендованы в качестве дополнительного чтения для православного ученого, студента или преподавателя, который будет использовать их, сличая с принятым в Церкви текстом Библии.

В то же время надо отметить, что некоторые авторские переводы или переложения библейских книг, появившиеся в последние десятилетия, для православного читателя неприемлемы. Таков, например, перевод Нового Завета В. Н. Кузнецовой, выпущенный Российским Библейским Обществом. Я писал в свое время рецензию на этот перевод и могу лишь повторить сейчас данную мною оценку: «перед нами не перевод, а пересказ, причем дурной пересказ, искажающий смысл и стиль оригинального текста».

«Церковный» перевод Библии

Новые переводы Библии, подготавливающиеся вне церковных структур, свидетельствуют о том, насколько актуальна задача подготовки нового *церковного* перевода Писания. Об этом же свидетельствует большое число взрослых людей, которые предпочитают знакомиться с Писанием не по Синодальному переводу, и не по новым переводам, а по пересказам типа «Детской Библии». Очевидно, языковые и стилистические проблемы Синодального перевода все более и более становятся преградой к тому, чтобы люди, пришедшие и приходящие в Церковь, понимали смысл и красоту библейского текста.

Перевод, убирающий эту преграду, можно было бы назвать «миссионерским». Но здесь требуется оговорка. Понятие «миссионерский перевод Библии» обычно встречается в западной литературе применительно к переводам Писания для народов развивающихся стран. В России ситуация другая. Существенная часть аудитории, к которой Церковь обращается с миссией — с «внутренней миссией» — это образованные слои общества, люди, воспитанные на лучших образцах русской и переводной литературы. Здесь не может быть и речи о каком-то упрощении и уплощении библейского текста. Образованные читатели не простят переводчикам ни научных ошибок, ни языковых ошибок. Перевод должен делаться профессиональными библеистами вместе с признанными литераторами.

Опыт христианских церквей в других странах показывает, что переводы Писания на современный литературный язык — неотъемлемая часть диалога традиции и современности. В католической Церкви эта проблема была решена созданием таких переводов, сочетающих точность с литературными достоинствами, как французская *Bible de Jerusalem* или английская *Jerusalem Bible*.

Как с точки зрения верности оригиналу, так и с точки зрения использования всех возможностей нашего литературного языка важно передать стилистическое многообразие оригинала. В этом отношении равно погрешают как традиционные буквалистские переводы, написанные в стиле «возвышенного подстрочника», так и переводы, ориентированные на самый примитивный стилистический пласт языка. И в том и в другом случае многообразие языковых стилей Библии подравнивается «под одну гребенку».

Учитывая указанные выше недостатки Синодального перевода, следует признать своевременным и желательным начать работу над созданием нового общецерковного перевода Библии на русский язык, который:

(1) учитывал бы достижения современной науки (в том числе библейской археологии, текстологии, сравнительной семитологии и т.д.) в понимании библейских текстов, а также стоящих за ними историко-культурных реалий,

(2) опирался бы на современную теорию перевода,

(3) использовал бы всю палитру средств классического русского литературного языка для передачи красоты и многообразия библейских текстов, их духа, смысла и стиля,

(4) не был бы оторван от сложившейся церковной традиции.

Соответствующее пожелание, отраженное в проекте документа «Отношение Церкви к переводам библейских книг на языки русского и других народов, окормляемых Русской Православной Церковью» было в целом поддержано представителями нашей Церкви, участвовавшими в обсуждении данного документа.

Само собой разумеется, что работа по созданию текста, претендующего на общецерковную значимость, возможна только под эгидой Священноначалия Русской Православной Церкви и предполагает общецерковную апробацию подготавливаемых текстов.

О недопустимости вольных и тенденциозных переводов

Современный перевод Библии немыслим без учета достижений мировой библейской науки. Это касается и текстологии, и знания древних реалий, и современной теории перевода. Переводчик должен быть хорошо знаком с разночтениями, представленными в библейских свитках Мертвого моря и в новозаветных папирусах, с археологическими находками, которые показывают нам быт и жизнь людей библейского времени. Все это требует хорошего знакомства с современной западной литературой, с опытом современных переводов.

В то же время мы должны понимать, что в практике современных западных библейских переводов присутствуют вещи, для православного сознания неприемлемые.

Переводчик не имеет право привносить в библейский текст отзвуки новомодных дискуссий, чуждых миру Библии. Православная Церковь последовательно выступает против так называемых «gender-neutral» (нейтральных в половом отношении) версий Библии, в которых применительно к

Богу используется «инклюзивный язык». Данный феномен имеет отношение преимущественно к переводам Библии на английский язык, в котором Бог традиционно обозначается местоимением «Он» (He). Некоторые представители феминистического богословия настаивают на том, что, поскольку Бог не является мужчиной, Его следует описывать нейтральными местоимениями или же вообще не употреблять по отношению к нему местоимений. Вместо же традиционных терминов «Отец, Сын и Святой Дух» (Father, Son and Holy Spirit), имеющих подчеркнуто мужское звучание, феминистки предлагают употреблять нейтральные в половом отношении термины «Родитель, Искупитель и Питатель» (Parent, Redeemer and Sustainer).

Представители феминистического богословия указывают также на то, что на протяжении всего Священного Писания предпочтение отдается мужчинам, а не женщинам. В Ветхом Завете говорится о Боге Авраама, Исаака и Иакова (Исх. 3:16), а не о Боге Сарры, Ревекки и Рахили; заповеди Моисеевы адресованы мужчинам, а не женщинам («не возжелай жены ближнего твоего»); в книге Притчей Соломоновых автор обращается к читателю-мужчине, тогда как о женщинах говорится в третьем лице. В Новом Завете адресатами нравственных заповедей тоже оказываются преимущественно мужчины (ср. Мф. 5:31-32; Лк. 18:29; 1 Кор. 7:27-28); при упоминании о количестве присутствующих исключаются женщины (Мф. 14:21: «евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей»; ср. Мф. 15:38); и даже в число 144 тысяч спасенных входят только мужчины (Откр. 14:4: «те, которые не осквернились с женами»). В посланиях апостола Павла неоднократно подчеркивается неравенство между женщиной и мужчиной (ср. 1 Кор. 11:3-16; 1 Кор. 14:34-35; Кол. 3:18; 1 Тим. 2:11-15). С точки зрения феминистского богословия, наличие в Писании столь многочисленных текстов, «исключающих» или унижающих женщин, объясняется культурными и общественными стандартами патриархальной эпохи, в которую жили авторы Ветхого и Нового Заветов, и, следовательно, данные тексты должны быть откорректированы. Однако Православная Церковь считает такую коррекцию недопустимой, поскольку она не только радикальным образом разрушает текст Священного Писания, но и во многих случаях ведет к пересмотру тех нравственных установок, которые были характерны для ранней Церкви и которые сохраняются в православном Предании.

Распространенные на Западе феминистские версии Писания воспринимаются православным христианином как непозволительное посягательство на священный текст, граничащее с кощунством. В еще большей степени это, конечно же, относится к таким «политкорректным» версиям Писания, которые, вопреки прямому смыслу ветхозаветных и новозаветных текстов, пытаются при помощи заведомо ложных переводов легитимизировать то, что в Библии считалось безнравственным и греховным.

Надо, впрочем, сказать, к чести мировой науки, что такого рода «идеологизированные» версии Библии не принимаются всерьез и западными учеными.

Библия на национальных языках

В паству Русской Православной Церкви входят не только русские, но и представители других многочисленных народов, проживающих на канонической территории нашей Церкви. Попечение о том, чтобы Библия была доступна этим народам на их родном языке, — наш долг. Отрадно видеть, как в сотрудничестве церковных структур с учеными, библеистами, лингвистами появляются новые переводы Писания на языки России и сопредельных стран. Хорошим примером такого сотрудничества является полная Библия на чувашском языке, вышедшая несколько лет назад с благословения митрополита Чебоксарского и Чувашского Варнавы. Остается надеяться, что и другие народы нашей страны получат современный, качественный, благословленный Церковью перевод Слова Божьего на свой язык.

Великое поручение, данное Господом нашим в Евангелии от Матфея, — «Идите, научите все народы» — было основой миссионерской и переводческой деятельности Церкви во времена апостолов и евангелистов, во времена святых Кирилла и Мефодия. Оно и сегодня призывает нас к евангельской миссии и к переводу Писания на язык наших современников.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/51999/>